

— Я не стану его расспрашивать.

Спустя долгое время Жун Сюань, вертя в пальцах перьевую ручку, наконец ответил на вопрос психолога.

— Мне и в голову не приходило выставлять ему претензии.

«Какое поразительное всепрощение», — психолог с нескрываемым потрясением смотрел на мужчину, сидящего напротив.

Лицо Жун Сюаня оставалось бесстрастным.

— Я не впервые сталкиваюсь с подобным. Когда это случилось в прошлый раз, я был еще слишком молод и неопытен. Тогда я пошел к нему и спросил — зачем? В то время я наивно полагал, что ему просто нужен кто-то влиятельный, кто поможет отобрать наследство у старшего брата.

Он сделал паузу, и в его взгляде промелькнула тень старой боли.

— Мы тогда сильно поссорились. Он вел себя вызывающе, колот слова, и я сорвался. В гневе я увез его на виллу и запер там. Но он... он совершенно не боялся смерти. Тайком от меня он выплевывал таблетки, которые не мог прекращать принимать. В итоге организм не выдержал. Врачи выдали мне свидетельство о смерти.

Психолог попытался проанализировать ситуацию:

— Значит, после того как констатировали смерть, он чудесным образом ожил?

Жун Сюань бросил на него холодный, пронзительный взгляд.

— Все произошло в течение десяти минут. Его успели реанимировать. Что в этом странного?

Психолог осекся.

— Значит, ваши кошмары вызваны тем, что вы вините себя в его гибели? Пусть и временной?

— Да. И это факт, — отрезал Жун Сюань.

— Господин Жун, — осторожно начал врач, — в ходе нашего разговора у меня возникла одна мысль. Позвольте задать довольно личный вопрос.

— Спрашивайте.

— Ваш возлюбленный... вы с ним состоите в официальных отношениях? — Заметив, как потемнели глаза пациента, психолог поспешно добавил: — Я имею в виду, вы обсуждали свой статус? Вы — пара?

Жун Сюань промолчал. Спустя минуту он заговорил снова, словно не слыша вопроса:

— Я намерен и дальше притворяться дураком. Я не могу позволить себе ту цену, которую придется заплатить за откровенный разговор. Он может уйти. Или придумает новую ложь, чтобы снова обвести меня вокруг пальца.

Психолог мысленно вздохнул. Этот пациент не желал идти на контакт.

Жун Сюань продолжал, будто убеждая самого себя:

— Нынешнее положение дел — самое подходящее. Ему нравится играть, он жаждет новизны и острых ощущений. Что ж, пусть будет так. По крайней мере, Юй Люгуан все еще считает нужным мне лгать.

— И все же...

— Мы не определяли наши отношения. Но он сказал, что подумает. Вчера вечером он сам поцеловал меня и признался, что почти принял решение.

Жун Сюань словно погрузился в собственные воспоминания. Вспомнив тот мимолетный поцелуй под светом уличного фонаря, он невольно расслабился, и его голос стал мягче:

— Он был очень нежен. Думаю, он согласится стать моим. Вероятность — процентов шестьдесят.

Психолог едва сдержал стон разочарования. Потрясающе. Пришел, с порога заявил о «возлюбленном», а в итоге оказалось, что они даже не встречаются. В таком случае «измена» обретала совсем иной смысл. Это была не неверность, а обычное содержание «запасных вариантов».

Проблема внезапно упростилась: господин Жун был всего лишь одной из рыб в огромном пруду этого юноши. Но как глава крупнейшей корпорации мог так глубоко погрязнуть в этой любовной лихорадке?

Врач не стал комментировать шансы на успех, лишь кивнул:

— В таком случае, каков ваш запрос? Чего вы хотите от терапии?

Обычно к нему приходят за исцелением от депрессии или чтобы выговориться. Но Жун Сюань, кажется, не собирался отказываться от своей привязанности.

Мужчина задумался, бессознательно вращая ручку.

— Я хочу научиться принимать это спокойнее. В этот раз я сдержался, но в следующий — могу не совладать с собой. — Он вспомнил те две сигареты, которыми пытался подавить ярость прошлой ночью. — Боюсь, я могу сорваться и применить силу.

Психолог понимал, что под «силой» подразумевается расправа над соперниками. Все-таки они жили в правовом обществе.

— Давайте поступим так. Сначала заполните этот тест. — Он протянул Жун Сюаню бланк и добавил: — И вот эти два сайта. Это авторитетные психологические опросники. Заполните всё искренне. Если сомневаетесь — выбирайте нейтральный вариант.

Жун Сюань коротко кивнул. Его психическое состояние было на удивление стабильным. Даже говоря о вещах, способных довести до иступления, он не проявил ни капли истерии. Но это не был добрый знак. Напротив, это означало, что его эмоции натянуты до предела, до состояния диссоциации. Он отстранился от самого себя, чтобы анализировать свои мысли как сторонний наблюдатель.

За двадцать минут Жун Сюань шесть раз посмотрел на телефон. Человек, о котором он грезил, так и не прислал сообщения.

Психолог мягко забрал у него мобильный и отложил в сторону.

— Отвлекаясь, вы рискуете дать неточные ответы.

Жун Сюань замер, крепче сжал ручку и опустил взгляд на вопросы.

Через десять минут врач изучил результаты. Умеренная тревожность, легкая депрессия. Он выписал рецепт и мягко произнес:

— Значит, вы хотите смириться с тем, что у вашего партнера есть кто-то еще, и подавить в себе чувство собственности? Но, господин Жун, любовь неотделима от желания обладать. Этого не избежать.

Жун Сюань молчал, сжимая ручку так, что побелели костяшки.

— Чем сильнее вы подавляете чувства, тем больше растет внутреннее напряжение. Рано или поздно плотину прорвет, и тогда пострадают все. Вы об этом думали? Я не советую вам копить это в себе. Вам нужно поговорить с ним. Откровенно. Вы уверены, что понимаете его мотивы? Вы говорите, он ищет азарта и новизны... Но так ли это на самом деле?

Врач пытался найти иное объяснение, чтобы унять тревогу пациента.

— Вы упоминали, что ему нужен был влиятельный покровитель, чтобы забрать наследство у брата?

— Это было лишь моим предположением, — отозвался Жун Сюань. — Теперь я уверен, что это не так. Более того, я знаю: если бы он просто попросил, брат отдал бы ему всё без остатка.

Психолог замолчал. Ему стало по-настоящему любопытно: что же это за человек такой?

— Я действительно никогда не говорил с ним об этом серьезно, — добавил Жун Сюань. — А сам он молчит.

— Может быть, дело в детской травме? — предположил врач. — Хроническая нехватка безопасности, из-за которой ему нужно подтверждение любви от множества людей? Знаете, приведите его ко мне. Нам стоит побеседовать втроем.

«Похоже, у них обеих проблемы с головой», — подумал он.

Жун Сюань покачал головой:

— Сначала я тоже так думал. Но потом понял: он прекрасно знает, чего хочет, и упорно идет к своей цели.

— Только вы не знаете, что это за цель?

— Именно.

Незаметно пробило десять утра. В десять тридцать у Жун Сюаня было назначено совещание. Психолог, предупрежденный секретарем Чэнем, закончил сеанс, передав пациенту рецепт и отчет.

— Начните принимать лекарства. Это долгий процесс.

Он поднялся, собираясь что-то добавить, но в этот момент зазвонил телефон Жун Сюаня. Врач сам протянул аппарат владельцу и случайно бросил взгляд на экран блокировки.

Он замер.

Юноша на обоях обладал внешностью, способной лишить дара речи. Заснеженное поле, на парне пуховик, который совсем не портил его хрупкую фигуру, вязаная шапочка. Длинные черные волосы рассыпались по спине и плечам, смягчая холодные черты лица.

И глаза. Лисьи глаза, в которых застыл золотистый свет полуденного солнца, пробивающегося сквозь ветви. Белоснежная кожа казалась почти прозрачной. Он был похож на хрупкую бабочку или на призрачный утренний туман с классической картины. Но в этом облике таилась сила, которую невозможно было подчинить.

Психолог отдал телефон, чувствуя, как мысли путаются. Теперь он понимал. Понимал всё. Такими людьми можно восхищаться издалека, но стоит подойти ближе — и ты пропал. Даже зная, что в кубке яд, ты выпьешь его до капли, если этот человек одарит тебя хотя бы мимолетным взглядом.

Жун Сюань преобразился. Ледяная маска соскользнула с его лица.

— Люгуан, — он встал, голос его дрогнул от нежности, которую он едва мог сдержать. — Ты завтракал?

В больничной палате юноша полулежал на подушках, подперев щеку рукой. После бурной ночи и беспокойного сна в его облике сквозила болезненная слабость.

— Не хочу, — вяло отозвался он. Голос звучал совсем тихо, почти невесомо.

Жун Сюань напрягся, мгновенно уловив неладное:

— Ты заболел? У тебя жар?

— Угу. Приезжай ко мне.

Жун Сюань стремительно вышел из кабинета. Шагнув в лифт, он вдруг осознал, что этот звонок был на редкость своевременным. Без крайней нужды юноша почти никогда не звонил ему первым. То ли забывал, то ли просто ленился. Как и в прошлый раз: Юй Люгуан попал в больницу, и если бы Жун Сюань не спросил сам, тот бы и не заикнулся.

Что значил этот звонок?

Жун Сюань вспомнил вчерашний поцелуй. Мягкий, ароматный, полностью перекрывший вкус табака. И эти лисьи глаза в свете фонаря...

Он смотрел, как закрываются двери лифта, и с силой сжал руку, впиваясь ногтями в ладонь. Только когда пришла резкая боль, он смог немного прийти в себя.

[Уровень гнева Дитя удачи Жун Сюаня: -5. Текущее значение: 20]

Совещание в десять тридцать было отложено. Секретарь Чэнь оперативно перекроил график и отправился в клинику за лекарствами. Такое дело нельзя было доверить посторонним.

Психолог, сидя в машине, продолжал прокручивать в голове разговор. Любовь по своей природе исключает других. Даже самый щедрый человек не сможет смириться с тем, что у его любимого есть кто-то еще. Можно обмануть себя, но нельзя обмануть мозг. Тем более Жун Сюань — единственный сын в элитной семье, привыкший к абсолютной власти. Если бы социальный статус Люгуана был иным, Жун Сюань наверняка бы просто запер его там, где никто не найдет. Собственно, он уже пытался это сделать.

Что же заставляет его раз за разом подавлять собственнический инстинкт? Кошмар. Тот день, когда он нашел Люгуана с остановившимся сердцем, стал его вечной тенью. Из-за чувства вины и страха окончательной потери он выбрал путь принятия. Это был единственный способ остаться рядом.

«Сложный случай, — думал врач. — Одними таблетками тут не поможешь».

— Приехали, — голос секретаря прервал его раздумья.

— Скажите, — спросил психолог, выходя из машины, — как долго господин Жун знаком со своим... другом?

— Лет пять или шесть. Они встретились, когда господин Юй был на втором курсе. Сейчас ему двадцать четыре. И, кажется, их отношения завязались почти сразу.

Психолог помрачнел. Столько лет... Он всерьез задумался о том, чтобы отказаться от этого пациента. Его квалификации явно не хватало для такой бездны.

Закончив последний осмотр, Юй Люгуан лениво жевал клубнику и переписывался с Цзянь Цзэ. Встреча была назначена на утро, но из-за внезапной болезни планы пришлось менять.

Цзянь Цзэ: «Ты в той же больнице, что и в прошлый раз?»

Цзянь Цзэ: «Я приеду. Что тебе привезти? Хочешь чего-нибудь вкусного?»

У: «Да».

У: «Аппетита совсем нет».

У: «Ты же певец, у тебя дел полно. Да и папарацци кругом. Не стоит утруждаться».

Цзянь Цзэ: «Я сейчас не занят».

Цзянь Цзэ: «Или ты боишься сплетен о нашем романе?»

Юй Люгуан усмехнулся, глядя на экран. Цзянь Цзэ был предсказуем. Что тогда, что сейчас. Он просто прощупывал почву на предмет воссоединения.

У: «Тогда приезжай».

У: «Вдруг захотелось тех лепешек, что мы ели в средней школе».

Цзянь Цзэ: «Тех самых, про которые ты говорил, что они ужасные?»

Цзянь Цзэ: «Их будет непросто найти...»

Цзянь Цзэ: «Но я найду! Обязательно!»

В этот момент дверь открылась, и вошел врач с результатами анализов. Чжу Яньшу уже ушел за завтраком, так что в палате они остались вдвоем. Врач давно знал Люгуана и его историю болезни. Но в этот раз он не стал привычно подбадривать пациента. Он долго молчал, прежде чем тихим голосом начать объяснять цифры в отчете.

Сердце работало на пределе. Органы были повреждены. Зима выдалась холодной, и врач настоятельно рекомендовал не выходить на улицу. Малейший сквозняк мог стать роковым. Часть лекарств нужно было заменить на более сильные препараты.

— И никакой близости, — добавил врач. — Это вызовет потливость, озноб и новые приступы лихорадки.

Юй Люгуан выслушал всё с абсолютным спокойствием.

— Хорошо. Если Чжу Яньшу или кто-то другой спросит о моем состоянии — говорите, что всё в норме.

Врач кивнул. Конфиденциальность пациента была превыше всего.

Глядя на таблицу анализов, Люгуан отправил сообщение Минь Вэню:

[Локация] Приезжай.

[Уровень гнева Дитя удачи Минь Вэня: -10. Текущее значение: 55]

Скоро здесь будет не протолкнуться, как и в прошлый раз. Гнев должен еще немного снизиться.

«Ты собираешься скрывать правду о своем здоровье?» — подала голос Система.

Юноша прижал тыльную сторону ладони к губам, сдерживая сухой кашель.

— Да. Сейчас нельзя говорить. Только после помолвки.

У него был свой план. Система просмотрела показатели:

Минь Вэнь — 55

Чжу Яньшу — 30

Цзянь Цзэ — 10

Дуань Тин — 82

Жун Сюань — 20

Минь Вэнь не казался опасным. Он легко поддавался манипуляциям. А вот Дуань Тин... Люгуан сосредоточил все силы на нем. Что сделает Дуань Тин, когда узнает, что в больницу позвали всех, кроме него?

Ярость.

Он почувствует себя псом, которого в очередной раз обманули. Псом, который готов бежать на

зов, но вместо ласки получает лишь холодное безразличие.

Раздался резкий визг тормозов.

Дуань Тин тяжело дышал, вцепившись в руль. Его глаза лихорадочно блестели, когда он смотрел на багажник машины, в которую только что врезался. Кольцо на пальце больно впилось в кожу.

Юй Люгуан играл с ним. Снова и снова. Обещал прийти, обещал порвать с остальными... Лжец. От начала и до конца.

Дуань Тин нахмурился, его взгляд стал пугающе мрачным. Водитель пострадавшей машины, собиравшийся было ругаться, замер на полпути. Перед ним был человек в состоянии крайнего дорожного бешенства.

Дуань Тин заставил себя выйти из машины и уладить дело. Он приказал себе не думать о Люгуане. Подумаешь, лжец. Подумаешь, обманул. Нужно просто перестать с ним видеться. Год, два, пять... Десяти лет точно хватит, чтобы забыть. А Жун Сюань и прочие — если они такие идиоты, что терпят это, пусть остаются запасными игроками до самой смерти. А он будет смеяться им в лицо.

Закончив с формальностями, Дуань Тин сел обратно в салон. Рука сама потянулась к телефону — мышечная память сработала быстрее разума. Он открыл чат с Люгуаном, затем его страницу. Тот никогда не делился личным в соцсетях. «Наверное, боится, что его истинное лицо вскроется», — зло подумал Дуань Тин.

Когда они были вместе, Люгуан наотрез отказался выкладывать совместное фото. «Я никогда этого не делал, зачем начинать сейчас? Это по-детски», — таков был его ответ.

Конечно. Он просто развлекался. Никогда не относился к этому серьезно.

Чем больше Дуань Тин думал об этом, тем сильнее разгоралось пламя ревности в его груди. Почему его первая любовь закончилась таким позором? Почему?

Он не заметил, как приехал к своему старому дому. Он редко здесь бывал — снял квартиру только потому, что она была рядом с семьей Чжу. В итоге они прожили вместе всего неделю.

Дуань Тин хлопнул дверью машины. Он злился на самого себя. Неужели он втайне надеялся, что Люгуан просто проспал и придет к нему днем? Его же нет у Чжу Яньшу. Наверняка опять с кем-то встречается.

Он поднялся в квартиру, достал из шкафа несколько бутылок спиртного. Пил до беспамятства, пока перед глазами не поплыли круги. Ему почудилось, что юноша стоит прямо перед ним. Он видел, как Люгуан стоит рядом с Чжу Яньшу, как они целуются...

— Целуются? Как они смеют?! Ведь сейчас он встречается со мной!

Дуань Тин швырнул бутылку в пустоту. Звон разбитого стекла эхом разнесся по комнате. Он схватился за голову, вены на лбу вздулись. В хмельном бреду он вдруг понял, что тоскует даже по пощечинам Люгуана.

«Почему ты не можешь любить меня? Ну почему?»

Жун Сюань приехал первым. В палате было пусто, но он услышал шум воды в ванной.

Юй Люгуан стоял у раковины. Из крана текла теплая вода. Длинные волосы перекинута на одно плечо, капли стекали по бледным щекам. Он кашлял — надрывно, мучительно, словно выплевывая саму жизнь.

Жун Сюань мгновенно оказался рядом, подхватил его под руки.

— Что сказал врач? Какая температура?

— Тридцать восемь, — соврал Люгуан, убавляя градус.

— Ты слишком часто стал попадать в больницу, — Жун Сюань коснулся его щеки, убеждаясь, что жар спал. Он взял салфетку и бережно вытер лицо юноши. Когда он коснулся уголков глаз, Люгуан невольно зажмурился. — Где результаты анализов?

— Не знаю. Потерялись где-то.

Люгуан перехватил его руку.

— Хватит меня вытирать. Я тебя не сильно отвлек? Чем ты занимался, когда я позвонил?

Жун Сюань помедлил мгновение.

— Был у врача. У психолога.

— У психолога? — Люгуан удивленно приподнял бровь. — Мы оба ходим по врачам. Какое совпадение.

Жун Сюань внимательно наблюдал за ним. Запах лекарств в палате был слишком резким, но юноша вел себя непринужденно. «Наверное, ничего серьезного», — подумал он. На всякий случай он еще раз переспросил врача, и тот, следуя указаниям, подтвердил: всё в норме.

Всё в норме. Но почему на душе так беспокойно? Жун Сюань смотрел на хрупкую фигуру на диване, и в голове всплыл один острый вопрос. Но он так и не решился его задать.

Вскоре прибыли Цзянь Цзэ и Минь Вэнь. Они столкнулись в лифте. Воздух мгновенно стал тяжелым. Минь Вэнь, скрестив руки на груди, с презрением покосился на рыжеволосого певца. «Что здесь забыл этот бездарь? Люгуан его позвал?»

Минь Вэнь уже забыл, как сам когда-то скидывал Люгуану песни Цзянь Цзэ, утверждая, что слова похожи на их историю. Еще бы не похожи — это и были воспоминания Цзянь Цзэ и Люгуана.

Двери лифта открылись, и Минь Вэнь первым вылетел в коридор. Цзянь Цзэ, сохраняя спокойствие, вошел в палату, прижимая к груди пакет с горячими лепешками. Он всю дорогу грел их собой, чтобы они не остыли на ветру. Он знал, что Люгуан не съест всё — как и в школьные годы, остатки достанутся ему. Те лепешки были самыми вкусными в его жизни. Сладкими.

«Это ведь считается косвенным поцелуем?» — подумал он.

Войдя, он увидел бледное лицо юноши. Волосы были собраны в небрежный хвост, открывая тонкую шею. Люгуан выглядел хуже, чем когда-либо. Цзянь Цзэ охватил страх. Он вспомнил их детство в приюте, когда Люгуан чуть не умер от лихорадки.

— Люгуан, тебе очень плохо?

Юноша потянул носом, уловив знакомый аромат. Он взял пакет.

— Не очень. — Он откусил кусочек. — Вкус уже не тот.

— Те лепешки делал старик вручную, — грустно улыбнулся Цзянь Цзэ. — Сейчас трудно найти такие же. Где твои анализы? Дай посмотрю.

Люгуан прожевал кусочек и поморщился. Он явно не хотел больше есть.

— Потерялись.

Цзянь Цзэ молча забрал у него недоеденную лепешку. Минь Вэнь, наблюдавший за этим, решил, что тот хочет ее выбросить, и уже приготовился съязвить. Но Цзянь Цзэ просто сказал:

— Я доем за тобой.

— Что?! — Минь Вэнь взорвался и выхватил лепешку. — С какой стати ты доедаешь за ним? Кто ты ему такой?

— А тебе какое дело? — холодно отозвался Цзянь Цзэ, забирая еду обратно. — Я их купил. Если он не хочет, я сам закончу.

И он откусил ровно там, где остался след от зубов Люгуана. Минь Вэнь едва не кинулся в драку. «Чертов бывший, никакого приличия!» Он сердито отошел в сторону и налил Люгуану стакан теплой воды. «Никто не позаботится о нем лучше меня! Он же сам сказал, что хочет вернуться ко мне!»

После этой короткой стычки в палате воцарилась тишина. Юноша сидел на диване, глядя в стакан с водой. Жун Сюань стоял у окна, отстраненно наблюдая за происходящим. «Вполне ожидаемо, — думал он. — Раз он позвал меня, значит, позвал и остальных».

Только Дуань Тина не было.

В полдень пришел Чжу Яньшу. Увидев толпу в палате, он нахмурился, но промолчал. Поставив еду на стол, он оглядел присутствующих.

— Где анализы?

— Люгуан говорит, потерялись, — ответил Цзянь Цзэ.

Юй Люгуан прикрыл глаза. Он выглядел изможденным. Чжу Яньшу, как старший брат, молча поднял его на руки и переложил на кровать. В комнате повисла тяжелая, гнетущая тишина.

— Жун Сюань, у тебя разве нет дел в компании? — спросил Чжу Яньшу.

— У тебя, видимо, тоже, — парировал тот.

Цзянь Цзэ вышел поговорить с менеджером, но уходить не собирался. Только Минь Вэнь, которому нечего было делать, сидел и не сводил глаз с Люгуана.

[Уровень гнева Дитя удачи Минь Вэня: -10. Текущее значение: 45]

Люгуан не открывал глаз. Сон медленно окутывал его.

Когда он проснулся, за окном уже стемнело. Все были на месте. Он узнал, что родители заходили, пока он спал. Юноша повернулся на бок и посмотрел на Чжу Яньшу.

— Уже поздно. Ты не спал всю прошлую ночь, иди отдохни.

Чжу Яньшу хотел возразить, но, встретившись взглядом с этими лисьими глазами, сдался. Он молча встал и ушел в комнату отдыха.

— Цзянь Цзэ, Минь Вэнь, вам тоже пора.

Они не хотели уходить, но понимали, что Люгуану нужен покой. Вскоре в палате остался только Жун Сюань. Он отложил телефон, в котором до этого разбирал рабочую почту, и подошел к кровати.

— Мне тоже уйти? — тихо спросил он. — Но я не хочу. Что мне делать?

Юй Люгуан протянул руку и коснулся его пальцев. Жун Сюань тут же переплел их ладони и сел на край кровати.

— Я не просил тебя уходить, — прошептал Люгуан. — Иначе назвал бы и твое имя тоже.

Сердце Жун Сюаня пропустило удар. Он замер, глядя на юношу, а затем медленно наклонился и коснулся его губ легким, почти невесомым поцелуем. Люгуан обвил его шею руками, притягивая ближе. Это было безмолвное приглашение.

Обычно поцелуи Жун Сюаня были властными и глубокими. Но в этот раз он вел себя иначе. Словно боясь разбить драгоценный фарфор, он лишь нежно касался его губ, едва ощутимо посасывая нижнюю губу. Он не пытался лишить его дыхания.

Люгуан был удивлен. Он привык к агрессии Жун Сюаня, и эта нежность была непривычной. На его бледных щеках проступил слабый румянец, а в уголках глаз заблестела влага.

Жун Сюань целовал его уши, лоб, веки, щеки. Каждую пядь кожи.

— Люгуан, — прошептал он, прижимаясь к его уху, — твои анализы действительно в порядке?

Юноша почувствовал щекотку и слегка потянул его за волосы.

— Ты что, смерти моей хочешь? К чему такие вопросы?

— Ты знаешь, что я не это имел в виду.

Жун Сюань снова прильнул к его губам. Вдыхая его аромат, он крепко обнял его. У них не было статуса, не было обязательств, но они целовались.

— Моя интуиция говорит мне, что ты болен, — пробормотал он в его губы.

— Не нужна интуиция, чтобы знать, что я слаб с самого детства, — отозвался Люгуан.

Жун Сюань замер. Он вспомнил тот день. Смерть. Свидетельство о смерти.

— Тогда врачи сказали мне, что ты умер.

— Я не знал об этом, — равнодушно ответил Люгуан. — Боишься получить еще одно?

— Нет, — Жун Сюань посмотрел ему в глаза. — В этот раз у меня даже нет на это права. Свидетельство выдают только родственникам.

— Хочешь иметь такое право?

В палате стало тихо. Их взгляды встретились, и Жун Сюань, не ответив, снова накрыл его губы поцелуем — на этот раз более жадным, полным любви и затаенной боли.

В это же время в другой палате той же больницы лежал Дуань Тин. Он допился до острого гастрита. Мать нашла его без сознания и привезла сюда. Сейчас его состояние стабилизировалось.

Он лежал неподвижно, уставившись в потолок. Мать, раздраженная его поведением, ворчала рядом:

— Нельзя быть таким безответственным! Столько выпить... Ты уже взрослый человек, а ведешь себя как мальчишка!

Дуань Тин молчал.

— Это ведь та самая больница? — Мать переключилась на голосовые сообщения. — В какой палате Люгуан? Я зайду к нему. Представляешь, Дуань Тин тоже здесь, допился до бесчувствия... Да, пятьсот вторая?

«Люгуан».

Это имя мгновенно привело Дуань Тина в чувство. Он повернул голову к матери.

— Уже поздно, — продолжала она. — Завтра зайду.

Она взглянула на сына:

— Сейчас придет твой ассистент, а мне пора в компанию.

Люгуан снова в больнице? Почему так часто? Голова Дуань Тина раскалывалась, но он не мог перестать думать об этом. Стоило услышать это имя, как все обиды и страсть вспыхнули с новой силой. Неужели Люгуан не пришел к нему только потому, что сам попал в больницу?

Дуань Тин дрожащими руками взял телефон, открыл чат. Набрал сообщение, стер. Снова набрал и снова удалил. В итоге он просто отбросил аппарат.

Через полчаса он сорвал капельницу. Узнав номер палаты, он вошел в лифт. Тот двигался невыносимо медленно. Дуань Тин сжимал кулаки, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Двери открылись. Пятьсот вторая палата была в конце коридора. Дверь была закрыта, но из щели лился свет. Значит, не спит.

Дуань Тин подошел к окну в дверях. Штора была задернута не полностью, оставался небольшой зазор. Он прижался лбом к холодному стеклу, вглядываясь в полумрак палаты.

Он видел силуэт мужчины в дорогом пиджаке. Тот склонился над кроватью, обнимая кого-то.

Губы Люгуана припухли от долгих поцелуев. На кончике носа выступила краснота, на губах виднелись следы зубов. Он тяжело дышал, полузакрыв глаза.

— Хватит... — прошептал он прерывисто. — Если я не скажу «стоп», ты так и не остановишься...